

Век XXI: глобальный мир и культура различия — Философия. Общество. Культура: сб. науч. статей. – Самара: Изд-вл «Самарский университет», 2007. – 392 с.

ВЕК XXI: ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И КУЛЬТУРА РАЗЛИЧИЯ

Анна КОНЕВА

Вместо введения.

В жизни каждого исследователя встречаются идеи, которые становятся отправной точкой и двигателем его собственной научной мысли. В сборнике, посвященном 70-летию Владимира Александровича Конева, моего отца и учителя, я хочу отдать должное его концепции парадигм философствования, которые стали эффективным методологическим приемом в преподавании и структурной основой в построении теорий и гипотез.

«Несмотря на то, что каждая философская система оригинальна и неповторима в своей целостности, можно выделить в истории европейской философии своеобразные общие парадигмы философствования, которые определяют тип философствования, тип построения и разрешения философских проблем и акцентируют внимание на тех или иных вечных сторонах этих проблем»¹.

Взгляд назад с точки зрения исторической перспективы позволяет не замечать частности и дает основания не просто типологизировать философские системы по некоторому общему основанию, но и увидеть пройденный историей европейской культуры путь как целостность, в которой есть смысл и развитие. Теория последовательной смены парадигм в европейской философии может быть расширена до теории смены парадигм культуры, которые будут охватывать не только теоретическую мысль, но и реальность культуры, ее художественное своеобразие и даже формы организации повседневности. Но тогда перед культурологом с неизбежностью встает вопрос о том, как характеризовать современность, и вопрос о парадигме современности оказывается первостепенным.

Не подлежит сомнению, что выделенная В.А. Коневым парадигма *existenz* исчерпала свое существование, породив некую новую когнитивную реальность, картину мира и мировоззрение. Это становится очевидно, когда мы анализируем экзистенциалы и коды культуры модернизма, сформировавшейся в лоне индустриальной цивилизации².

В экзистенциальном поле индустриального общества господствовали самодисциплина, рациональность, сублимация психической энергии и отсрочка вознаграждения³. Идеи З. Фрейда, Ф. Ницше и А. Шопенгауэра, послужившие предтечей формирования экзистенциальной парадигмы, задали ту теоретическую «вилку» понимания природы и свободы человека и его места в мире, которая сформировала платформу философских рассуждений в рамках парадигмы. С другой стороны, развитие машинной цивилизации определило социальную реальность, в которой самоопределялся человек, совершенствуя свою природу и ограничивая свободу.

«Человек индустриальный» строил свою стратегию успешности как долгосрочный проект. Особенно очевидной эффективностью этой стратегии становится, если сфокусировать внимание на среднем классе, гаранте стабильности общества и «массе» культуры. Вид «капитала», которым он располагает – будь то собственность или профессиональное умение – требует постоянного обновления ценой

индивидуальных усилий, что поддерживает миф о независимости, работоспособности, упорстве и самодисциплине. То же справедливо и для обеспеченного слоя общества, работоспособность которого не зависит от величины вознаграждения, а стратегия успеха рассчитана на перспективу.

Мир в индустриальную эпоху предстает в образе идеального технического устройства, сущность техники как медиатора, позволяющего усовершенствовать телесность, изменить саму природу человека, занимает умы. Тотальная механизация жизненного пространства и необыкновенные возможности, которые подарила человеку техника, подготовили формирование массовой культуры. Техника, расширив мир, сузила жизненное пространство, и, в конечном счете, привела к экзистенциальному краху, что и стало предметом беспокойства и нервом экзистенциальной философии.

Картина мира индустриальной эпохи становится логичным продолжением картины мира Нового времени, так, как ее описал М. Хайдеггер⁴. Воображение современного человека перестает работать в «пространственном режиме», доминантой становится время, и «картина мира» превращается в «мир как текст», мир начинает соотноситься с внутренним измерением человека, обретает структуру кода, выступает текстом, требующим прочтения или писания и, главное, понимания⁵. Именно Хайдеггер впервые поставил вопрос о времени, когда бытие стало предметом вопрошания человека – так формируется возможность взгляда на мир как на текст. Далее философская мысль увлекается анализом структуры текстуальности мира и правил его прочтения. Мир выступает теперь не пред-стоящей картиной, а совокупностью знаков, символов, структур, которые должны быть прочтены и вычислены индивидом, соотнесены им с собой. Так работает парадигма *existenz* как парадигма культуры.

Поиск структурной упорядоченности и пафос обнаружения кодов приводит к тезису о саморазрушении структуры, рождается философия постструктурализма, в которой мир утрачивает определенность текста, становится дискурсом, речью, бесконечно множась в каналах коммуникации культуры. Культура от вербальной переходит к визуальной среде, слова, идеи и понятия заменяют звуки, символы, знаки и иконки. Изменяется система восприятия, усиливается власть медиа. Современная культура становится культурой медиальной трансляции. При этом медиа утрачивают свою первоначальную служебную функцию, поглощая пространство и время, трансформируя картину мира. Как пишет М. Маклюэн, «Сообщением» любого средства коммуникации или технологии является то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им в человеческие дела»⁶. Речь идет о медиа-онтологическом пространстве⁷, в котором за каждым знаком нечто скрывается.

В это же время происходит и формирование нового типа цивилизации. Постиндустриальная модель рождает культуру общества потребления, в которой изменяется картина мира и господствует человеческий «психотип В», гибкий, подвижный, легко находящий немедленное удовлетворение своих потребностей, живущий в кредит⁸. Место материальных ценностей занимают ценности символические, формируется новое чувство жизни, множественность поведенческих моделей сменяют унифицированную модель, идентичность становится полифонической, а единство опыта распадается. Главным ресурсом становится информация, которая «сжимает» пространство и «ускоряет» время (Д. Харвей, Э. Гидденс), создает «поток ситуаций» и ускоряет темп жизни (Э. Тоффлер).

Изменения затрагивают систему представлений о мире и человеке, устоявшиеся ценности культуры. Заявленная экзистенциалистской парадигмой ценность сво-

боды, недостижимой в условиях индустриальной машинной цивилизации, приобретает иные черты в культуре общества потребления.

Одной из главных ценностей современного общества становится свобода, которая выступает в четырех «ипостясах»: как свобода быть, действовать, передвигаться, знать и принимать новое.

Расчет на перспективу, жизненная стратегия отсроченного вознаграждения сменяет жизнь «здесь и сейчас», воплощение свободы быть. Субъект современности погружен в бесконечное настоящее, без будущего и прошлого. Это не значит, что современному человеку не свойственно планировать свою жизнь и опираться на долгосрочную стратегию. Напротив, свобода быть предполагает проект, но вместе с тем ей сопутствует легкость, наследие постмодернистской эпохи. Мобильность и приспособляемость становятся воплощениями экзистенциальной свободы. Для современной культуры нервом становится анализ настоящего, пропитанный столь стремительно нарастающими тенденциями глобализации и противостояния культур, что гипотезы прошлого и будущего отступают на второй план.

Свобода действовать выражается как расчет на собственные силы, образ self-made по-прежнему сохраняет свое очарование. Главное для современного профессионала — это реализация своей деятельности в модусе «я могу», так в современной культуре трансформируются ценности индивидуализма. Умение реализовать полученные знания в заданном формате — одно из требований, предъявляемых к специалисту сегодня. Его сознание должно работать в модусе аффирмации, и универсальный взгляд на мир должен сочетаться в нем с умением действовать в конкретных условиях.

Мобильность – один из важных образов свободы, которая подразумевает и свободу смены занятий (свобода действовать). В основе мифологемы мобильности (свободы передвигаться) лежит архетипический образ пути. Это необходимая часть мифологемы времени. Путь с необходимостью влечет за собой внутренние изменения, а не только пространственные. Стабильное место должно смениться местами, большим пространством, в котором человек чувствует себя свободным. В условиях глобализации это неизбежно. Люди должны быть достаточно подвижны, подвижны не только географически (хотя и это тоже важно), но и психологически. Они должны быть готовы к смене занятий, условий жизни. Человек становится номадом.

Глобализация вызывает трансформацию рынков труда, многие производства выводятся за пределы западных стран. Ценностью становится свобода работать где угодно и когда угодно, то есть свобода распоряжаться своим временем, и, разумеется, пространством – всем пространством культуры. Современный номад руководствуется принципом «частичной занятости» в стратегиях профессионального роста, нередко меняет семью вслед за территориальными перемещениями, живет ситуативными дружескими связями, испытывая чрезвычайную легкость бытия. Мир становится доступен, мотив путешествия заманчив именно потому, что весь мир мал, как никогда прежде, всего несколько часов полета отделяет Париж от Нью-Йорка, а Нью-Йорк от Пекина.

Этот изменившийся мир предоставляет человеку свободу знать. Это знание не есть мудрость, поскольку мудрость не трансформируется в практическую пользу и не соответствует критериям эффективности. Таким критериям соответствует профессиональное знание-умение, знание-мастерство. Компетентность является наиболее ценной чертой. Профессионал принимает решения, и эти решения влияют на деятельность тех, чьи проблемы они снимают. Критерием верности решения выступает практический смысл (П. Бурдьё), решение должно быть эф-

фективно, не имеет значения, банален путь к успеху или креативен. На смену интеллигенту эпохи Просвещения, в условиях массовой культуры пришел интеллектуал, в современности его сменяет профессионал. Сегодня наблюдается отчетливая тенденция к профессионализации. Организация «модульной» системы высшего образования по принципу детского конструктора «лего» рассчитана не на повторение одного и того же, а на способность варьирования, на креативный подход к наличному. Практическая ориентированность магистерских программ должна дать знания технологий действия, научить молодого человека добывать информацию, вместо того, чтобы «загрузить» его определенной «суммой истинных знаний» или научить оперировать универсалиями. В образ профессионала входит умение творчески мыслить и разумно рисковать – свобода знать предполагает свободу принимать новое.

«Принимать новое» – этот девиз становится для современного номада-профессионала руководством к действию. Потому что принимая новое, он выстраивает и обретает свою идентичность. Идентичность становится полифоничной, благодаря изменению соотношения образов Собственного и Чуждого в сознании. В условиях глобализации и относительности, полифоничности культуры самоидентификация индивида характеризуется взаимной обратимостью внутреннего и внешнего образов Я, пластичностью границ между Собственным и Чуждым⁹.

Чуждое теряет свой трансцендентный характер, становится достижимым культурным опытом – стало быть, становится возможным примерить чужую идентичность, посмотреть на себя, как на другого. Полигоном испытания процессов глобализации идентичности становится виртуальная реальность. Особенность пространства виртуальной коммуникации Интернет в том, что это анонимное пространство – пространство чистых возможностей, ситуация виртуальной коммуникации изымает рассудок из стереотипов привычного оперирования «здесь-и-сейчас» и создает ситуацию разрыва прочной ткани повседневности. Виртуальная реальность оперирует не образами, а информацией об образах. Искушение «примерить» чужую идентичность в результате экспериментирования с информацией делает проницаемыми границы между образом Я и образом Другого, что иллюстрирует сущность становления глобальной идентичности современного человека¹⁰. Его сознание работает в модусе воображения, которое принимает глобальный мир целиком – как чистую информацию о мире, и делает его частью Собственного, включая его в структуры сознания. На смену «миру как тексту» приходит «мир как продукт», который потребляется сознанием постиндустриального субъекта. Культура текста преобразуется, не в последнюю очередь благодаря электронным носителям информации. Сам текст по-прежнему не исключен из числа носителей информации, он просто теряет приоритетную позицию. Теперь его автор не мертв, он просто не имеет значения: «... сегодня мы беремся за книгу с твердым намерением читать, ни в чем не соглашаясь с автором...»¹¹. Так выражается потребность эпохи в индивидуальной интерпретации. Текст обретает глобальное значение, потому что подчиняет все явления мира своим законам (Ж. Деррида), смысл объявляется «не имеющим предела» (П. Рикер), а интерпретация – самой коварной ловушкой (К. Гирц), поскольку ее самооценность способна уничтожить смысл как таковой. Текстуальность не исчезает, но преобразуется в необходимое вспомогательное средство. Визуализация культуры превращает текст в кадр – омертвевший, пойманный текст, демонстрирующий ценность незавершенного, превращающий конкретный уникальный опыт в информацию, становится новой доминантой культуры.

Эпоха потребления выросла на потребности в информации. Мифология потребления ориентируется на умение читать информацию. Культурная самоидентификация осуществляется с помощью структурирования потребления в соответствии с имеющимися в обществе правилами чтения знаков и символов. Это порождает спрос на информацию: как писать и как читать соответствующие тексты в виде одежды, интерьера квартиры, организации отдыха и т.д. Глобальная эпоха изменила парадигму коммуникаций, экономических отношений, культуры, наконец, философии.

«Настала эпоха, в которой все решают талант и время...», - пишут К. Нордстрем и Й. Риддерстрале, - «Наиважнейший для производства ресурс расхаживает в ботинках и ежедневно покидает рабочее место ровно в 5 часов»¹². Время ускоряется и сливается в один продолжительный миг. Знания, которыми владеет человек, устаревают, количество необходимых новых навыков растет, владение информацией не означает ничего, зато умение ею распорядиться позволяет осуществить власть над миром. Работа двух профессоров Стокгольмской школы экономики стала бестселлером не случайно. Простой взгляд на новый мир и констатация изменения парадигмы принесли им славу и успех. «Фанки-бизнес означает, что в будущем появится все больше и больше вопросов. На которые будет все меньше и меньше стандартных ответов. Эйнштейн был неправ. Единая теория не спасет нас. Миром правит многообразие»¹³.

В эпоху глобализации, когда рынки становятся всеобщими, когда знания выстраиваются по единой системе, и профессионалы ценятся не по диплому, а по таланту, главным акцентом современности становится многообразие. Это и многообразие культур и традиций, паттернов поведения, интерпретаций и истин. Сложность – пугающая и захватывающая – характеризует современную эпоху. Технологии, общественные институты и ценности создали интернациональный мир, в котором все решают знания, принятие нового, мобильность и способность различать. Свобода вновь оказалась в руках человеческих – но это обоюдоострое оружие, с которым нужно уметь управляться.

Слова Сартра «Человек обречен на свободу» оказались пророческими в начале нового тысячелетия. Постиндустриальная цивилизация и новая парадигма культуры уже наступили, «здесь и сейчас».

Это парадигма многообразия, тотальной свободы, неопределенности и ответственности в противостоянии хаосу. Метафизически она может быть определена как парадигма различения – *difference* – поскольку главный нерв современности есть умение различать.

Различение основывается на знании, которое обеспечивает конкурентоспособность, но суть его – в информации. Актуальным в теоретических дискуссиях стал вопрос о наступлении информационной парадигмы, что, по сути, и есть парадигма различения. Не случайно, информация сама определяется через разнообразие¹⁴, требующее компетентного различения онтологического порядка.

Так в современной культуре вновь ставится вопрос о бытии. Об этом пишет, например, Ж. Делез в работе «Различие и повторение», акцентируя внимание на том, что бытие перестает быть однозначным¹⁵, в нем проявляется различие (через модусы бытия). В философии Делеза можно, действительно, «говорить о двух онтологиях. Об онтологии, в которой само бытие не несет в себе различия, оно принадлежит индивидуациям и существует как специфическое различие (оно есть в спецификациях). И об онтологии, в которой различие входит в само бытие, является индивидуирующим различием, оно "по праву *предшествует* форме и материи, виду и органам и любому другому элементу сложившегося индивида"»¹⁶. Это

бытие и есть информация, сущность которой – индивидуализирующее различие, индивидуальный выбор (интерпретация) из разнообразия, утверждение этой интерпретации. Не случайно сам Делез приходит к выводу, что различие есть утверждение¹⁷, что соотносится с теорией парадигм философии В.А. Конева.

В.А. Конев утверждает, что бытие культуры – это бытие, требующее утверждения, бытие, которое вырастает из небытия, преодолевает его утверждением. Силой держания оказывается сила аффирмации, поэтому вопрос "Что есть культура?" должен принять форму "Как возможна культура?", и ответ на него дает критика универсальной культурной способности – способности утверждать. "Affirmo ergo est" становится предметом анализа философии¹⁸. Но в современной культуре, в контексте процессов глобализации, вопрос о том, как возможна культура, оказывается вопросом различия! Силой держания оказывается не просто утверждение, а утверждение различия, несходства, разнообразия — при принятии и признании единых мировых процессов. Сама идентичность становится идентичностью различенной, культурная компетентность выражается в праве на интерпретацию, которое подтверждается социальным признанием, выступающим также как различие (этой интерпретации от других). Свобода – во всех ее модусах – оказывается свободой различать, а результатом различения оказывается индивидуальность как субъект культуры. Та самая индивидуальность, которая обладает способностью утверждать. Утверждать различие. Таким образом, в контексте культуры парадигма современности оказывается информационной парадигмой – парадигмой difference.

Примечания

¹ Конев В.А. Социальная философия. Самара, 2006. – С.18.

² См. Венкова А.В. Экзистенциалы и коды современной цивилизации. // Дифференциация и интеграция мировоззрений. Философский и религиозный опыт. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 18. СПб.: Эйдос, 2004. С. 101-114.

³ Под воздействием социокультурных процессов первой половины XX столетия сформировался своеобразный психотип человека, названный А. Этциони «типом А». А. Этциони особенно подчеркивает рациональность поведения этого психотипа, цель которого достигнуть «отсроченного вознаграждения через рациональное поведение, усердие, бережливость». См. Этциони А. Массштабная повестка дня. Перестраивая Америку до XXI века. // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 298.

⁴ См. М. Хайдеггер. Время картины мира. // Время и бытие. – М., 1993.

⁵ См. Конева А.В. Мир как картина, мир как текст. // Дифференциация и интеграция мировоззрений. Экзистенциальный и исторический опыт. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 20. СПб.: Эйдос, 2004. С. 332 - 346.

⁶ М. Маклюэн. Понимание медиа. – М., 2003. С. 10.

⁷ См. Б. Гройс. Под подозрением. – М., 2006.

⁸ См. Этциони А. Ук. соч.

⁹ См. Сурова Е.Э. Глобальная эпоха: полифония идентичности. – СПб., 2005.

¹⁰ См. Конева А.В. Идентичность в социальной мифологии виртуальной реальности. // Творение. Творчество. Репродукция. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 17. СПб.: Эйдос, 2003. С. 135 – 143.

¹¹ См. Б. Гройс. Под подозрением. С. 33.

¹² К. Нордстрем, Й. Риддерстрале. Бизнес в стиле фанк. - СПб., 2001. С. 48.

¹³ Там же. С. 51.

¹⁴ Классическое определение информации в математической теории: «Информация – свойство материи выступать в виде некоторого разнообразия (объектов, элементов, характеристик) и отражать это разнообразие, проявляющееся в частности в сведениях, извлекаемых людьми в результате соответствующей обработки наблюдений окружающего их мира, анализируемых ими и используемых в целях коммуникации и управления». См.: В.Н. Калинин, Б.А. Резников. Теория систем и

управления (структурно-математический подход) / Учебное пособие ВИКИ им. А.Ф. Можайского – Ленинград, 1976.

¹⁵ См. Ж. Делез Различие и повторение. – СПб., 1998. С. 53 и далее.

¹⁶ Конев В.А. Трансцендентальный эмпиризм Ж. Делеза. – Самара: «Самарский университет», 2001. – с. 23.

¹⁷ Ж. Делез. Ук. соч. С. 74.

¹⁸ См. Конев В.А. "Философия культуры и парадигмы философского мышления" // Философские науки, 1991, № 6.